

Культурные границы и идентичность (на примере северо-запада Европейской России)

А.Г. Манаков

Территориальная идентичность относится к числу фундаментальных характеристик коллективной идентичности [13]. Принято различать два главных вида территориальной идентичности: *этническую и политическую* (национальную). *Национальная* идентичность занимает лишь один “этаж” в иерархии территориальных идентичностей, и часто уступает приоритет *региональной* или даже *локальной* идентичности [2; 18]. Также иерархично строится и этническая идентичность: *суперэтническая*, собственно *этническая* и *субэтническая* идентичность. В иерархии политической идентичности в качестве верхнего “этажа” может выступать *цивилизационная* идентичность, которая зачастую совпадает с суперэтнической идентичностью, но имеет более чётко выраженный геополитический оттенок.

Можно говорить о существовании нескольких типов культурных границ, соответствующих разным уровням культурных общностей и разным уровням идентичности. Как отмечает В.Н. Стрелецкий, в соответствии с многорусностью территориальной идентичности, культурные регионы также имеют свою иерархию. Причём на самосознание и социокультурную динамику территориальных общностей людей влияет огромная совокупность факторов: исторические особенности освоения пространства, этническая пестрота населения региона и характер этнического расселения, уровень урбанизации, сохранность или размытость комплексов традиционной культуры и др. [16].

Категория **этнических границ** характеризует **этнический и суперэтнический уровни** культурных общностей. Ключевыми понятиями географии

культуры здесь являются суперэтнические и этнические системы (или геоэтнокультурные системы разного иерархического уровня). В данном случае приходится иметь дело с узловыми районами и, соответственно, границами в пределах континуального пространства. К таковым, например, можно отнести **этноконтактные зоны**, т.е. гравитационные границы этнических систем (в виде широких или узких переходных зон), выполняющие преимущественно контактные функции.

Барьерные функции на данном уровне иерархии могут выполнять **государственные границы**. Будучи пороговыми границами, рубежи государств (как и национальных автономий) также служат геокультурным системам, которые являются одновременно и геополитическими образованиями.

На **субэтническом и региональном уровнях** культурных районов также можно встретить как пороговые, так и гравитационные границы. К типу пороговых границ можно отнести **административные рубежи**, выделяющие в сетке культурных районов субъекты федерации (“регионы” страны). Пороговый характер административных границ придаёт “регионам” облик однородных территориальных образований, скрывая при этом системно-узловые реалии за чёткими контурами, проведёнными в виде “волосных линий”.

Динамика административно-политических границ и формирование региональной идентичности

Как считает М.П. Крылов, в России, как и во многих государствах мира, административное деление, по крайней мере, на уровне субъектов федерации в тенденции совпадает с историко-культурными районами. Но “попытки искусственного подстраивания под европейскую модель приводят к отождествлению современных российских субъектов федерации со “странами” в европейском смысле. И, наоборот, отсутствие в явном виде “стран” в России приводит к мнению об “аспатиальности”, т.е. внерегиональности” [7, с. 34].

Аспатиальность – это специфически ослабленная реакция русской куль-

туры на географическое пространство, в частности, на расстояние, границу и место. Однако, Л.В. Смирнягин, предложивший использовать это понятие по отношению к русской культуре [14], тем не менее, подчёркивает особо большую роль административной границы в российском пространстве. По его мнению, в связи с тем, что у русской культуры весьма ослаблена способность к самоорганизации пространства, “оно вынуждено опираться в этом на помощь государства с его сеткой административно-территориального деления” [15, с. 113].

На северо-западе Европейской России можно выделить три крупных исторических пласта, соответствующие эпохам, принципиально отличающимся по геодинاميке политических и административных границ. *Средневековая эпоха* (XIII-XVII вв.) характеризуется становлением относительно стабильных внешних политических границ и превращением внутриэтнических политических границ в административные.

Имперская эпоха (XVIII – начало XX в.) может быть разделена на два периода: 1) период имперского становления и расширения внешних рубежей (XVIII в.), который характеризуется нестабильными политическими и административными границами, и 2) период имперской стабильности (XIX – начало XX в.), отличающийся устойчивыми административными (губернскими) границами.

Советская и постсоветская эпоха также может быть разделена на два периода: 1) период становления советского государства (между двумя мировыми войнами) со стабильными внешними политическими границами, но неустойчивыми административными границами, и 2) период относительной стабильности административно-политических границ (после второй мировой войны).

Важнейшей характеристикой политико-административных границ, существенной с точки зрения формирования региональной идентичности, является их устойчивость или же историческая зрелость [6], определяемая давностью и длительностью существования границ. В связи с этим можно предло-

жить несколько типологий современных и исторических политико-административных границ.

В соответствии с давностью существования можно выделить три основные типа границ: 1) *молодые границы*, относящиеся к советской и постсоветской эпохе (почти весь XX в.; в качестве двух подтипов здесь можно рассматривать относительно молодые границы первой половины XX в. и современные границы); 2) *старые границы*, относящиеся к имперской эпохе (в основном XVIII-XX вв.); 3) *древние границы* (средневековые границы до XVII в. включительно).

С учётом длительности существования современные и исторические политико-административные границы можно разделить на *долговременные* (существующие более 50 лет в XX в., или, например, более 100 лет в предыдущие века) и *кратковременные* (все остальные границы).

Интегральная типология современных и исторических политико-административных границ может выглядеть следующим образом: 1) современные долговременные границы; 2) современные кратковременные границы; 3) относительно молодые кратковременные границы (первая половина XX в.); 4) старые долговременные границы (губернские границы XIX – начала XX вв.); 5) старые кратковременные границы; 6) древние долговременные границы; 7) древние кратковременные границы.

Современные границы Республики Карелия, Ленинградской, Новгородской и Смоленской областей (а также совместные с Ленинградской и Новгородской областями участки границ Псковской и Тверской областей) существуют в основном с 1944 г. С 1957 г. (точнее, после небольших изменений, с 1958 г.), после ликвидации Великолукской области, оформились современные границы Псковской и Тверской (тогда – Калининской) областей. Таким образом, в пределах северо-запада Европейской России почти все современные административно-политические границы, за исключением границ между Псковской и Тверской областями, относятся к категории долговременных (т.е. существующих свыше полувека).

Длительность периода существования современных областных границ (за это время появилось два новых поколения людей) способствовала достаточно прочному закреплению в сознании населения *региональной идентичности*, имеющей первоначально исключительно новационно-административный характер. При этом до сих пор жива память о Великолукской области, которая, несмотря на кратковременный период своего существования (13 лет), стала основой для формирования современной *субрегиональной идентичности* как в Псковской, так и в Тверской областях.

Относительно молодые кратковременные административные границы характеризуют послереволюционный период в первой половине XX в. (точнее период между двумя мировыми войнами, т.е. примерно четверть века). В целом же можно отметить, что кратковременность существования административно-политических границ в межвоенный период, т.е. в период молодости советского государства, препятствовала формированию новой региональной идентичности, заметно отличающейся от дореволюционной.

Старые (губернские) долговременные границы стабилизировались в основном на рубеже XVIII-XIX вв. Закрепление на длительное время административных границ стало следствием “губернских реформ” Екатерины II, которые в общих чертах завершились к 1781 г. Губернские границы, установленные в самом конце XVIII в., продержались, в большинстве случаев, более столетия, а в некоторых случаях – даже около полутора веков. Такое длительное существование административных границ, безусловно, не могло не отразиться на формировании *региональной (губернской) идентичности* населения, которая сохранялась в период новой “утряски” административных границ (первая половина XX в.). Лишь во второй половине XX в., благодаря установлению стабильных областных границ, произошло формирование новой региональной идентичности. При этом в массовом сознании населения ещё сохраняются отголоски губернской идентичности.

Старые кратковременные административные границы (XVIII в.) фактически никак не отражены в современном массовом сознании населения. Наи-

более важными политическими процессами в XVIII в. можно считать: во-первых, расширение территории Российского государства, а значит, динамику политических границ; во-вторых, формирование новой *столичной макро-региональной идентичности* (в связи с появлением новой российской столицы).

Политические рубежи начала XVIII в. ещё долгое время сохраняли (или сохраняют до сих пор) характер этнических границ, иногда в виде этноконтактных зон. Это относится и к границам со Шведским королевством (в состав которого входили до Северной войны 1700-1721 гг. Ингерманландия, Карельский перешеек, современная территория Эстонии и западной Латвии), и к границам с Речью Посполитой (включавшей до 1772 г. Латгалию и юг современной Псковской области).

С другой стороны, введённое Петром I деление страны на губернии и провинции стало основой для формирования новой региональной идентичности, отличавшейся от той, которая сложилась в средние века, и окончательно закрепившейся (из-за неустойчивости границ в XVIII в.) в собственно “губернский период” XIX в.

Среди *древних (средневековых)* долговременных границ следует особо выделить бывшие государственные рубежи: с Великим княжеством Литовским (затем – Речью Посполитой), немецкими рыцарскими орденами (Меченосцев, затем – Тевтонским, Ливонским) и Швецией. Границы с Великим княжеством Литовским, а затем – Речью Посполитой, почти повторяли северные и восточные границы существующих ранее русских княжеств: Полоцкого и Смоленского. При этом северная и восточная границы бывшего Полоцкого княжества со временем приобрела характер этнической, в отличие от восточной границы бывшего Смоленского княжества, т.к. достаточно длительное время (в XVI – начале XVII вв., и со второй половины XVII в.) роль государственного рубежа выполняли его западные границы. Достаточно стабильными были западные границы Псковской земли, которые с XIII в. приобрели характер не только государственных, но и этнических. Этнически контрастными стали границы со Швецией по условиям Столбовского мира 1617 г.

Границы между русскими княжествами и землями сказались на формировании диалектных различий в русском языке, что свидетельствует о существовании в то время *региональной (земельной) идентичности* или даже *субэтнической идентичности*, т.к. рубежи русских земель часто совпадали с границами расселения славянских племенных группировок эпохи раннего средневековья. К таковым рубежам можно отнести границы Псковской земли (ареал расселения псковских кривичей), Новгородской земли (словене ильменские, а также финно-угорские племена), Полоцкого и Смоленского княжеств (смоленско-полоцкие кривичи), Владимиро-Суздальского княжества (кривичи ростово-суздальской ветви). В меньшей степени это относится к границам более позднего политического образования – Великого княжества Тверского.

Этнокультурная специфика “нового российского порубежья”, прилегающего к Эстонии, Латвии и Белоруссии

В общей сложности по разработанной автором программе с 1990 по 2002 г. была проведена серия социологических опросов, в частности, в программу исследования вошли два опроса (в 1999 г. и 2002 г., репрезентативных по полу и возрасту), охвативших население всей Псковской области (по 800 респондентов). Специальное исследование, проводившееся в течение 1990-2001 гг., было посвящено выявлению региональных предпочтений проживания молодёжи Псковской области (всего свыше 500 респондентов, в т.ч. студентов Пскова и Великих Лук, школьников Пскова и ряда райцентров области).

Независимо от того, с 1999 по 2001 г. было опрошено около 900 человек, представляющих районы “нового российского порубежья” фактически на всём протяжении российско-эстонской границы, а также значительной части российско-латвийской и российско-белорусской границ. Опросы населения (включающие анкетирование и интервью) были проведены в трансграничном

районе Нарва–Ивангород на стыке Эстонии и Ленинградской области, псковском участке российско-эстонской границы (Гдовский, Псковский и Печорский районы), а также на значительном участке границы с Латвией (тот же Печорский район и Себежский район Псковской области). Себежский район одновременно является пограничным с Белоруссией.

Северные районы Псковской области, пограничные с Эстонией (Гдовский, Псковский и Печорский), а также запад Ленинградской области и Нарву, как по элементам традиционной культуры, так и по характеристикам современной (политической, социальной) культуры можно отнести к северной подзоне среднерусской культурной зоны. Районы южной части Псковской области, пограничные с Латвией и Белоруссией (в т.ч. Себежский район) по своим характеристикам тяготеют к южной подзоне среднерусской культурной зоны или даже южнорусской культурной зоне (специфика современной политической культуры которой нашла отражение в термине “красный пояс”).

Следует отметить, что на территории Гдовского района и северной части Псковского района в течение полувека (с конца XIX в. по 1943 г.) существовала слабо выраженная этноконтактная зона с заметной долей эстонского населения (в течение всего этого периода их доля держалась на уровне не ниже 10% от всего населения) и латышей. Перепись населения 1989 г. выявила в Гдовском районе всего 200 эстонцев (1% населения района). Однако наше исследование привело к несколько иным результатам: среди опрошенных коренных жителей 3% назвали себя эстонцами, а также ещё 15% составили лица, называющие себя русскими, но имеющие среди своих предков эстонцев.

Повышенной этнической мозаичностью населения до сих пор отличается Печорский район. Здесь со средних веков и вплоть до XXI в. существовала сравнительно ярко выраженная русско-сетуская этноконтактная зона. Формирование сету как особой этнической общности имеет прямое отношение к проблематике “границы и идентичность”, т.к. является результатом несовпадением в течение длительного периода времени политических (государственных) и культурных (этнических и конфессиональных) границ. Сету, род-

ственные эстонцам по языку, издавна проживали бок о бок с русским населением, в XV-XVI вв. были обращены в православие (что и является их главным отличительным признаком от эстонцев-лютеран) и переняли у русского населения множество элементов материальной и духовной культуры. Тем не менее, сету можно рассматривать сейчас как уникальную этнокультурную единицу, обладающую самобытной культурой и своим собственным этническим самосознанием.

В начале XX в. доля сету достигала четверти населения печорского края (западной части Псковского уезда Псковской губернии). В советское время сету не учитывались во время переписей и причислялись к эстонцам, поэтому их численность даётся оценочно. После разделения территории расселения сету в 1945 г. между Эстонией и Россией, в созданном тогда Печорском районе Псковской области сету составляли уже менее 10% населения. Перепись населения 1989 г. зафиксировала только немногим свыше 1 тыс. сету (4% населения района).

Придание после распада СССР границе с Эстонией статуса государственной актуализировало этническую идентичность сету по обе стороны границы [12]. Однако, разрыв контактов псковских сету с соплеменниками, проживающими в Эстонии, а также нежелание российских властей признать сету в качестве малого народа Российской Федерации вынудили их мигрировать в Эстонию. К настоящему времени численность сету в Печорском районе сократилась более чем в два раза по сравнению с 1989 г. Таким образом, к началу XXI в. этноконтактная зона в Печорском районе, где в качестве главного этнического компонента выступали сету, фактически полностью растворилась.

На территории Себежского района около полувека просуществовала русско-белорусская этноконтактная зона. Так, ещё в конце XIX в. в Себежском уезде Витебской губернии доля русских примерно соответствовала доле белорусов и составляла 47%. В XX в. доля русских стала быстро расти, и через два года после включения в 1924 г. Себежского уезда в состав Псковской

губернии достигла 68,5% (при 27,5% белорусов). Перепись населения 1989 г. зафиксировала в Себежском районе только 2,5% белорусов. Однако, согласно результатам нашего опроса, каждый четвёртый житель района отмечает среди своих родственников белорусов.

Этническая идентичность и этнические границы

А.С. Мыльников предложил различать два подхода в понимании этнической идентичности (этничности) – “этноисторический” и “этнополитизированный” [11]. Этноисторический подход предполагает, что “этничность всегда, хотя бы незримо, присутствует в любой деятельности человека, даже если он этого не осознаёт или активно не желает” [1, с. 9]. Согласно другому подходу, этничность создаётся государством из имеющегося в доступности культурного и социального материала [17].

В качестве маркера этнической идентичности обычно выступает этническое самоназвание (эндоэтноним), однако большую роль в осознании единства своего этноса имеют представления о нём самом (автостереотип) и других этносах (гетеростереотип). Этностереотипы обычно несут в себе функцию “экономии мышления” и формируются на основе избирательности при сравнении представителей своего этноса и других этносов.

“Универсальный закон человеческого восприятия состоит в том, что люди в чужом ищут сходств, а в своём – различий. Так и с этносом... Чужих как раз потому так легко объединить, свалить в кучу, припечатать общей кличкой, что они – все на одно лицо...” [5, с. 25]. Именно это даёт возможность манипулирования политиками националистического толка (хотя и в пределах культурных традиций) образами других народов.

На протяжении веков этностереотипы закреплялись в массовом сознании населения посредством художественной литературы, фольклора и неорганизованных форм передачи информации (слухи, анекдоты, поговорки и т.п.). В последующем эту функцию стали выполнять главным образом сред-

ства массовой информации, что предоставило властям, выстраивающим в массовом сознании геополитическую шкалу “союзник – партнёр – соперник – враг”, возможность более оперативного конструирования образов “наших” и “чужих”, тем самым косвенно обеспечивая позитивный или негативный характер этнической комплиментарности.

На приграничных территориях средства массовой информации играют важную роль в формировании “добрососедской” или “оппозиционной” модели идентичности, особенно в случае, если государственная граница становится труднопреодолимым препятствием для поездок местного населения, т.е. приобретает преимущественно “барьерные” функции. В случае сохранения возможностей непосредственного контакта представителей этносов, проживающих по разные стороны государственной границы, искусственное создание “оппозиционной” модели идентичности становится затруднительным.

Суперэтническую (цивилизационную) идентичность характеризуют этнические стереотипы представителей соседнего культурного мира (в нашем случае – эстонцев и латышей по сравнению с русскими), а также отношение к странам Балтии в целом. Как отмечает социолог Л.Д. Гудков, в идентификационной шкале, подчинённой ценностной логике модернизации, один из полюсов занимает “человек западной культуры” как представитель современного общества, а другой полюс – представитель “отсталого патриархально-традиционного Востока” [2].

Образ *западного человека* складывается из соединений значений деятельности, независимости и самодостаточности (“культурный, воспитанный, рациональный, с чувством собственного достоинства, энергичный, свободолюбивый, независимый, трудолюбивый” и т.д.). С таким образом “западного человека” в целом должен очень мало различаться образ не только представителя любой из стран Западной Европы, но и “ближнего европейца”, т.е. жителя стран Балтии. Образ *восточного человека* может включать такие характеристики, как почтительный со старшими, гостеприимный, религиозный, забитый, униженный и т.д.

По результатам наших социологических исследований можно сделать следующие выводы. Во-первых, русские в сравнении с эстонцами и латышами наделяются такими чертами характера, как простой, открытый, общительный, весёлый, добрый, неприхотливый, дружелюбный, веротерпимый, жизнестойкий, терпеливый, миролюбивый. Во-вторых, за эстонцами и латышами закрепляются такие черты, как аккуратный, рациональный, уважающий закон, культурный, воспитанный, сдержанный, деловой и богатый. В-третьих, нет однозначного закрепления за русскими или жителями стран Балтии только таких черт, как трудолюбивый, счастливый, свободолюбивый, с чувством собственного достоинства.

Наиболее чёткое противопоставление народов стран Балтии как представителей “западного мира” и русских, находящихся по другую сторону суперэтнической границы, характеризует жителей южных районов Псковской области, пограничных с Латвией и Белоруссией. Напротив, в автостереотипах жителей севера области и русского населения трансграничного района Нарва–Ивангород до более высокого уровня подтягиваются черты, характеризующие “западного человека”, т.е. наблюдается некоторое выравнивание стереотипных представлений о русских, с одной стороны, и об эстонцах и латышах, с другой стороны. При этом следует отметить, что русские, проживающие в Эстонии (в Нарве), достаточно чётко кодифицируют отличительные черты эстонцев. Данные черты находят своё выражение в практичности, трудолюбии, индивидуализме. У эстонцев, по мнению респондентов, приоритетом является личное благосостояние (*“У эстонца чувство собственности лучше развито, он стремится больше работать, меньше пить”*).

Прямо противоположная ситуация складывается с **этнической идентичностью**, характеризуемой стереотипами русских в сравнении с белорусами. Как показали результаты исследования на юге Псковской области (в Себежском районе), при сравнении белорусов и русских черты “западного человека” приписаны в большей степени именно русским. В частности, русский при сравнении с белорусом теряет превосходство по таким характери-

стикам, как доброта, весёлость, общительность, дружелюбие, зато приобретает такие черты, как сдержанность и уважительное отношение к законам.

Политическая идентичность и государственные границы

Политическую (цивилизационную и национальную) идентичность характеризуют стереотипы соседних государств: Эстонии, Латвии и Белоруссии и отношение к ним. Как и в предыдущем примере, различие между стереотипами Эстонии и Латвии являются несущественными. Россия по сравнению со странами Балтии видится более сильной, духовной, миролюбивой, открытой и независимой, а последние, в свою очередь, чаще назывались более демократичными, правовыми, развитыми и богатыми.

На этом фоне сравнение России с Белоруссией выявляет заметно более “западный” оттенок государственных автостереотипов. Белоруссия видится более миролюбивой страной. Также Россия несколько теряет в таких характеристиках, как более сильная, независимая и духовная, зато “подтягивается” по таким критериям, как более богатая и развитая. То есть, стереотипы, соответствующие России при сравнении её со странами Балтии, в данном случае находят более типичного представителя, и Россия оказывается в середине геополитической шкалы “Запад (страны Балтии) – Восток (Белоруссия)”.

Заметный контраст между геокультурными общностями севера и юга Псковской области можно наблюдать и благодаря результатам социологического опроса, посвящённого выявлению отношения людей к соседним странам. В целом население области относится очень дружелюбно к Белоруссии и достаточно “прохладно” – к Эстонии и Латвии. Однако территориальные различия в оценке стран, являющиеся прямым отражением социально-культурного контраста, и здесь очевидны: на севере области, особенно в Гдовском районе, отношение к Эстонии и Латвии скорее нейтрально-дружелюбное, а на крайнем юге области – почти исключительно негативное.

Также при движении с севера области на юг наблюдается рост положительных оценок Белоруссии, что не является прямым следствием географического приближения к республике, а отражает, на наш взгляд, в большей степени различия в политической и социальной культуре населения [10].

Частота культурно-бытовых контактов с населением соседних стран становится одной из существенных характеристик геокультурных общностей, влияющих на их политическую культуру. Чем выше частота этих контактов, тем сложнее сформировать “оппозиционную” модель политической идентичности, которая характеризуется негативным отношением населения к соседним странам. Влияние фактора частоты поездок в соседние страны на отношение к ним было исследовано нами и в Себежском районе, где была выявлена зависимость между негативным отношением к Латвии и её редким посещением.

Исследование в Гдовском районе показало, что местное население района имеет очень тесные контакты (чаще даже родственную связь) с населением Эстонии. Так, например, 36% опрошенных местных жителей объявило о проживании в Эстонии близких или дальних родственников, а ещё 20% – знакомых и друзей. Некоренное население (в основном дачники) также имеют заметную культурно-бытовую “привязку” к Эстонии: среди опрошенных временных жителей района 20% объявило о наличии в этой стране своих родственников, а ещё 35% – друзей и знакомых.

Данные выводы подтвердились результатами исследования, проводившегося нами в течение 1990-2001 гг. и нацеленного на выявление региональных предпочтений проживания населения в пределах территории бывшего СССР. Нами проводились опросы среди молодёжи Псковской области, в частности, отдельно выделялись группы: уроженцы севера, юга области и областного центра. В общей сложности в 1990, 1992, 1996 и 2001 гг. было опрошено более 300 студентов Пскова и Великих Лук, а также около 200 школьников из разных районов области. Для оценки привлекательности шести крупных регионов России и 14 республик СССР (в дальнейшем – стран СНГ

и Балтии) использовалась методика П. Гоулда, модифицированная применительно к отечественным условиям Г.Д. Костинским [9].

Таблица. Средние арифметические ранги привлекательности групп регионов России, стран СНГ, Балтии для проживания и типы предпочтений (1990-2001 гг.)

Типы предпочтений, группы респондентов по месту постоянного проживания, годы проведения опроса	Группы регионов и стран					
	Европейская часть России	Азиатская часть России и Урал	Европейские страны СНГ	Страны Балтии	Страны Закавказья	Казахстан и Средняя Азия
Западнический тип – ЗТ (школьники Москвы, 1990*)	5,9 (1)	10,5 (4)	7,7 (3)	6,3 (2)	13,7 (5)	15,6 (6)
Переходный к западническому типу – ПЗ (студенты Ярославля, 1990*)	6,0 (1)	9,5 (4)	6,2 (2)	7,9 (3)	15,3 (6)	15,2 (5)
Переходный к почвенническому типу – ПП (школьники Перми, 1990*)	7,4 (1-2)	8,7 (4)	7,4 (1-2)	8,5 (3)	14,1 (5)	14,3 (6)
Почвеннический тип – ПТ (школьники Мурома, 1990*)	6,0 (1)	8,6 (3)	7,2 (2)	8,8 (4)	16,1 (6)	14,0 (5)
Студенты Псковской области (1990) – ПП	4,0 (1)	9,8 (4)	6,2 (2)	9,2 (3)	15,5 (6)	14,9 (5)
Студенты Псковской области (1992), в т.ч.	3,0 (1)	7,5 (2)	7,9 (3)	9,7 (4)	16,7 (6)	14,9 (5)
а) из Пскова – ПТ	2,4 (1)	7,4 (2)	8,9 (3)	10,4 (4)	16,0 (6)	14,7 (5)
б) с севера обл. – ПТ	3,1 (1)	7,7 (3)	7,0 (2)	9,4 (4)	18,1 (6)	14,8 (5)
в) с юга области – ПТ	4,0 (1)	7,6 (3)	7,2 (2)	9,2 (4)	16,0 (6)	15,6 (5)
Студенты Псковской области (1996), в т.ч.	3,9 (1)	8,4 (3)	8,8 (4)	8,0 (2)	15,0 (5)	15,5 (6)
а) из Пскова – ПЗ	3,6 (1)	8,2 (3)	8,9 (4)	7,9 (2)	15,2 (5)	15,8 (6)
б) с севера обл. – ЗТ	4,8 (1)	8,9 (4)	8,4 (3)	7,3 (2)	14,0 (5)	15,4 (6)
в) с юга области – ПП	4,4 (1)	8,9 (4)	8,7 (2)	8,8 (3)	15,4 (6)	14,4 (5)
Студенты Псковской области (2001), в т.ч.	5,1 (1)	9,3 (4)	8,0 (3)	7,8 (2)	14,4 (5)	15,2 (6)
а) из Пскова – ЗТ	5,0 (1)	9,6 (4)	8,1 (3)	7,4 (2)	14,1 (5)	15,5 (6)
б) с севера обл. – ЗТ	5,1 (1)	8,8 (4)	7,8 (3)	7,6 (2)	14,9 (5)	15,4 (6)
в) с юга области – ПП	5,3 (1)	9,3 (4)	8,0 (2)	8,8 (3)	14,6 (6)	14,3 (5)

* рассчитано по результатам исследований Г.Д. Костинского

Региональные предпочтения уроженцев южной части Псковской области сразу же после распада СССР приобрели резко выраженный “почвеннический” характер (в пользу азиатской части России), и лишь во второй половине 1990-х гг. их предпочтения стали постепенно возвращаться к “переходно-

му” типу, но до сих пор сохраняют небольшой “почвеннический” оттенок. В то же время предпочтения уроженцев Пскова и северной части области, хотя также на короткое время приобрели “почвеннический” характер, но достаточно быстро вернули достаточно ярко выраженный “западнический” крен (особенно в пользу стран Балтии). Причём в 2001 г. эти предпочтения стали даже более “западническими”, чем были в 1990 г. Наиболее ярко выраженный западный тип предпочтений был характерен в 1996 и 2001 г. для самых молодых респондентов из больших городов области – школьников Пскова и Великих Лук.

Субэтническая идентичность и историко-культурные границы

М.П. Крылов выдвинул идею о существовании в пределах Русской равнины регионов-“стран” (в европейском смысле) в виде групп бывших губерний, имеющих континуальное историческое и культурное пространство с достаточно размытыми границами и ядрами. “Регионы-страны могут служить основой для взаимодополняющих, взаимозаменяемых или альтернативных вариантов развития, в пределе – разных, иногда – несовместимых векторов развития целой цивилизации...” [8, с. 153].

По мнению того же автора, ранг региона-страны может иметь “средняя полоса России”, а в явном виде региональные образования на уровне “страны” существуют на географических и исторических окраинах России: Русский Север - Поморье, Дон, Кубань, Урал, Сибирь, менее явно – Поволжье. Для выявления “стран” предлагается использовать критерий возраста территории, который следует отсчитывать от начала упоминания о ней в качестве формальной или неформальной единицы. При этом возраст территорий определяет развитие местного самосознания [7].

Предлагая для России эталонную схему: регионы-страны – регионы-ячейки – местное самосознание, М.П. Крылов отмечает, что местное само-

сознание частично сопряжено с субэтнической идентификацией, особенно в Европейской части России, где субэтнические сходства и различия формируют ощущение “соседства”. Местное самосознание формируется в рамках исторических провинций и находится в тесном взаимодействии со своим природным окружением. Но для признания российских регионов историческими провинциями важным условием является существование у регионов пространственно-временной устойчивости и исторической преемственности [8].

Схожие идеи высказывает филолог А.С. Герд, хотя вместо термина “историческая провинция” он использует понятие “историко-культурная зона”. Историко-культурные зоны, обладающие высокой степенью устойчивости, чётко привязаны к определённым ландшафтам. “Каждая новая этническая трансформация, каждый новый народ не отвергает существующую культуру, а как бы вписывается, вживается и постепенно вырастает в неё. Народы приходят и уходят, меняются хозяйственные формы, исчезают археологические культуры и памятники, а историко-культурные зоны остаются и от эпохи к эпохе обретают всё большую стабильность и оформленность своего ареала, иногда вплоть до современных политических или административных границ” [3, с. 48-49]. Причём, в аспекте реконструкции историко-культурных подзон тот же автор предлагает опираться на сохранившуюся этнонимику и экзониимику, например, на северо-западе Европейской России это заонежане, белозеры, осташи и, наконец, скобари.

А вот ощутимый культурный контраст между Севером и Югом Европейской России привёл в своё время этнографа Д.К. Зеленина к выводу о существовании двух русских народов: севернорусского и южнорусского. Впрочем, как отмечают современные этнографы, для признания той или иной группы этносом необходимо наличие этнического самосознания, а северные и южные великорусы обладают единым русским самосознанием [4]. Тем не менее, высказываются предположения, что отдельные черты русского национального характера тяготеют к разным местностям России, например, экспрессия – к Югу, спокойствие – к Северу; индивидуализм – к городам, кол-

лективизм – к сельской местности [8]. Обобщая сказанное, можно предположить, что к более урбанизированному Северу России и аграрному Югу России должны тяготеть такие стороны русского характера, как спокойствие и индивидуализм (Север), экспрессия и коллективизм (Юг).

Подводя предварительный итог результатам наших исследований, отметим, что геокультурные общности людей в северной части Псковской области, тяготеющие к севернорусскому типу культуры, по сравнению с их аналогами в пределах южнорусского пояса культуры, характеризуются следующими чертами:

1) проявлением в большей степени индивидуалистической культуры, и в меньшей степени – коллективистского типа культуры;

2) большей толерантностью в целом, и национальной терпимостью в частности;

3) более слабой выраженностью комплексов “жертвы” (покорности, зависимости) и ущемлённости самосознания;

4) более “западническими” геополитическими предпочтениями и “либеральными” политическими ценностями населения, что напрямую связано с характерной для региональных политических культур электоральной “окраской” – правоцентристской на севере и коммунистической на юге;

5) неприятием “оппозиционной” модели национальной идентичности, характеризующейся негативными стереотипами “чужих”, проживающих по другую сторону государственной границы.

То есть в целом по большинству характеристик можно говорить о большем традиционализме геокультурных общностей, относимых к южнорусскому типу социальной культуры. В частности, даже зарубежные авторы подчёркивают, что сельские общины в традиционном обществе всегда были весьма нетерпимы к чужакам [19]. При этом отечественные специалисты в области культурной антропологии отмечают, что в коллективистских культурах люди используют различные оценочные критерии по отношению к членам своей и чужих групп, а межгрупповые различия воспринимаются и

проявляются острее, чем в индивидуалистических культурах.

Таким образом, культурные различия между жителями Севера и Юга России могут проявляться не только в языке (“окающее” северное и “акающее” южное наречия русского языка) или в традиционных типах одежды, жилища и т.п., изучаемых лингвистами и этнографами, но и в современных стандартах социальной и политической культуры населения. Другими словами, на Севере и Юге России формируется своя собственная социокультурная среда со своими образцами, нормами и правилами поведения. Можно предположить, что в зонах соприкосновения русского населения с культурой других народов (в частности, в бывших союзных республиках), также формируется особая социокультурная среда, создающая специфику образа мышления и поведения внутри разных территориальных групп русского населения.

Так, например, согласно результатам нашего исследования в почти полностью русскоязычном городе Нарве (Эстония), местные русские чётко отличают себя от своих соплеменников, проживающих в России. В ходе интервьюирования населения Нарвы нам пришлось услышать такие высказывания: *“Здесь русские очень сильно отличаются от тех русских, живущих в России, или где-то ещё...”*; *“И русские здесь - это не те русские, которые живут в России, например, в Петербурге. Русских в Нарве, прежде всего, отличает терпимость”*.

Аналогичные результаты дал анализ результатов опроса, проведённого в пределах всей Псковской области весной 2002 г. Респонденты были разделены на ряд категорий по месту рождения: уроженцы Псковской области, северной и южной части России, групп бывших союзных республик (Эстония, Латвия и Литва; Белоруссия и Украина; Средняя Азия и Казахстан). Выходцы из других регионов России, а также Белоруссии и Украины достаточно давно обосновались в Псковской области (в среднем более 20 лет назад). На их фоне выделяются недавние выходцы из государств Балтии и Средней Азии, большая часть которых переселилась в Псковскую область именно после распада СССР. Однако эти две миграционные группы давали принципи-

ально разные ответы на вопросы нашей анкеты, касающиеся оценки качеств людей, проживающих в Псковской области.

Для начала отметим, что сами уроженцы Псковской области считают себя очень общительными, добрыми, понимающими других людей, трудолюбивыми, достаточно патриотичными и нравственными, в большинстве случаев ответственными, но сравнительно пассивными и очень индивидуалистичными. На этом фоне выходцы из стран Балтии и Средней Азии подчёркивают не достаточный уровень патриотизма псковичей, и при этом отмечают особенно их пассивность и индивидуализм.

Но в остальном оценки этих двух групп респондентов расходятся. Выходцы из Средней Азии явно завышают (даже по сравнению с самими псковичами) такие качества жителей области, как ответственность, деловитость, трудолюбие, нравственность. Эти же характеристики псковичей для выходцев из стран Балтии приобретают прямо противоположный знак: безответственные, беспечные, ленивые и безнравственные. С другой стороны, мигранты из стран Балтии, по сравнению с выходцами из Средней Азии, считают псковичей более общительными и понимающими других людей.

Таким образом, сравнение приведённых характеристик показывает, что мигранты из бывших союзных республик строят свои оценки качеств псковичей на основании своего жизненного опыта в пределах принципиально различных культурных сред. С этой точки зрения можно сопоставить оценки качеств псковичей, данные выходцами с Севера и Юга России, а также из Белоруссии и Украины. Мигранты, прибывшие с Юга России, Белоруссии и Украины, считают псковичей более общительными и понимающими других людей. В целом мигранты из других регионов России считают псковичей патриотичными, добрыми и нравственными, но в недостаточной степени трудолюбивыми. Коллективизм как качество псковичей заметно чаще отмечают выходцы из Белоруссии и Украины, все же другие категории респондентов подчёркивают индивидуализм жителей Псковской области.

Наиболее толерантной группой среди недавних мигрантов в Псковскую

область, одинаково хорошо относящейся к переселенцам независимо от их национальности, оказались выходцы из стран Балтии, наименее толерантной – выходцы с Юга России. Выходцы из Средней Азии и Казахстана более терпимы по отношению к нерусским переселенцам, но зато не очень положительно настроены к русским переселенцам, в которых, вероятно, видят своих конкурентов в получении работы и ряда льгот.

Региональная идентичность и административные границы

Вплоть до начала XX в. к жителям Псковской губернии применялось региональное прозвище “скобарь”. Однако на восточной, и особенно юго-восточной, окраине губернии применение этого регионального названия было заметно меньшим. Собственно основной ареал названия “скобарь” был ограничен территорией распространения псковских “цокающих” говоров, т.к. был закреплён здесь многочисленными пословицами и поговорками, подчёркивающих речевые особенности псковичей-скобарей, к примеру, *“А там за Порховым живут ти-ти-ти типловато, ти-ти-ти морсковато, те тикуны, скобари, а мы здесь – на ”о””* [3, с. 12]. Этот ареал, охватывающий бассейн реки Великой, примерно соответствует территории средневековой Псковской земли.

В современных частушках, пословицах и поговорках коренного населения Гдовского района (находящегося за пределами “скобарской” территории), записанных в ходе нашего исследования, скобари нередко рассматриваются именно как носители специфических говоров: *“Псковичи те же англичане, только говор иначе”*; *“Скобари меня учили по скобарски говорить, скобарям какое дело, мне скобарочкой не быть”*; *“Моя мама городская, говорит на букву ”ц”*: *”Доцка, подай цулоцки на пецке в уголоцке”*. При этом следует отметить, что недавние мигранты и временные жители Гдовского района (дачники) знают в основном только те поговорки про скобарей, кото-

рые носят исключительно иронический характер, иногда даже с заметным негативным оттенком (например, *“Скобари – народ потешный”*, *“Мы псковские, мы прорвёмся”*, *“Пьяный скобарь с колом страшнее танка”* и т.п.).

Использование в качестве самоназвания прозвища “скобарь” на территориях, ныне входящих в состав Псковской области, а век назад принадлежавших Санкт-Петербургской губернии (Гдовский и Лужский уезды) к северу от границ Псковской губернии, как и Витебской губернии (Себежский, Невельский и Велижский уезды) к югу, фактически полностью исключалось. Для населения, проживавшего к югу от границы Псковской губернии (т.е. южнее линии Опочка – Великие Луки), использовались названия “кацапы” и “поляки”: *“Яны так не прицокивают, мы их поляками зовём, наречие у них совсем другое”* [3, с. 12]. Положение Опочки на южной границе “скобарской” территории (с “цокающими” говорами) нашло отражение в другой, пожалуй, наиболее популярной на Псковщине поговорке: *“До Опочки три верстоцки и в боцок один скацок”*.

В первой половине XX в. из-за постоянных изменений в административном делении ареал использования прозвища “скобарь” стал размываться. Формально в 1944 г., и в последующем в 1957 г., с образованием Псковской области и приобретением ею современных границ обозначились новые административные “зацепки” для применения этого регионального названия. Но лишь ближе к концу XX в., когда слово “скобарь” стало утрачивать в среде местного населения свой негативный оттенок из-за ухода поколений – реальных носителей этого прозвища, слово стало постепенно распространяться по всей территории области в качестве регионального самоназвания. Причём явно обозначился позитивный оттенок в применении данного самоназвания: оно стало своеобразным символом патриотизма в Псковской области.

Так, например, согласно результатам социологического опроса, проведённого весной 2002 г., 59% жителей Псковской области использует самоназвание “скобарь”, в частности, им пользуется 68% уроженцев Псковской области и 35% лиц, родившихся за пределами области. Несколько чаще скоба-

рями себя называют люди старшего возраста, проживающие в сельской местности и имеющие относительно более низкий уровень образованности (немного чаще мужчины, чем женщины). Патриотизм данной категории респондентов имеет заметную националистическую окраску: частота использования данного самоназвания коррелирует с негативным отношением к нерусским переселенцам в Псковскую область (соответствуя этноцентричному и этнодоминирующему типам идентичности).

В целом же, полувекового периода существования новых административных границ оказалось недостаточно, чтобы региональное название псковичей, получившее ныне политический (патриотический) оттенок, стало применяться на всей территории области в равной степени. Ярким примером может служить Печорский район, входящий в состав Псковской области с 1945 г., а в период с 1920 г. по 1940 г. бывший частью независимой Эстонской республики. В северо-восточной части Печорского района, примыкающей к Псковскому району, называет себя скобарями почти две трети местных жителей, а в южной части того же района, как и в райцентре, расположенном на границе с Эстонией, эта доля составляет уже менее половины.

Также несколько реже называют себя скобарями коренные жители северной части области. Современная территория Гдовского района и север Псковского района с 1781 по 1927 г. входили в состав Санкт-Петербургской (в начале XX в. – Петроградской, Ленинградской) губернии, а с 1927 по 1944 г. – в состав Ленинградской области. Только с 1944 г. Гдовский район числится в составе Псковской области, т.е. его “псковский” административный период длится пока чуть более полувека на фоне полутора векового “петербургско-ленинградского” периода. Однако с точки зрения формирования региональной идентичности наибольшее значение имеет именно последний период административной истории территории, поэтому исследовательский интерес вызывает скорее вопрос, насколько “стёрлась” в сознании местного населения региональная идентичность губернского периода, когда гдовичи чётко отличали себя от “скобарей” – жителей Псковской губернии.

Так, если в северной части Псковского района, примыкающей к Псковскому озеру, скобарями называет себя две трети коренных жителей, то в западной (причудской) части Гдовского района – лишь половина. Но лишь единицы из опрошенных местных жителей северной части Псковского района и Гдовского района вспомнили о существующем некогда культурном рубеже, соответствующем губернской границе и отделяющем в прошлом скобарей от “нескобарей”.

Реже отождествляют себя со скобарями и жители юго-восточной части области, до середины XX в. входившей в состав Калининской и Великолукской области. А жители крайней южной части области, до 1924 г. входившей в состав Витебской губернии (а ещё ранее – Речи Посполитой и Великого княжества Литовского), слово “скобарь” в качестве самоназвания используют в два с половиной раза реже, чем уроженцы псковского “ядра”. Так, в Себежском районе, по результатам нашего опроса, скобарями себя назвало только треть местных жителей.

В пределах основного ареала использования самоназвания “скобарь”, т.е. его псковского “ядра”, наблюдается простая закономерность: чаще всего скобарями называют жители крупных сельских поселений (до 95% опрошенных), несколько реже – жители райцентров (посёлков городского типа и малых городов) и, вместе с тем, мелких сельских поселений, обычно расположенных на окраинах районов. Ещё реже самоназвание “скобарь” используют уроженцы Пскова (70%), хотя в целом в областном центре скобарями называет себя лишь немногим более половины населения, т.к. почти каждый третий житель Пскова родился за пределами Псковской области.

На этом фоне можно отметить пониженную частоту использования слова “скобарь” (55% опрошенных) уроженцами второго по величине города области, расположенного за пределами псковского “ядра” – Великих Лук. Хотя, с другой стороны, ещё несколько лет назад великолучане чётко отличали себя от псковичей-скобарей, и это противопоставление было прямым отражением противостояния двух конкурирующих центров Псковской области.

Вместе с тем, самоназвание “скобарь” стало постепенно проникать в ранее “нескобарскую” южную часть области, и уже начало закрепляться в районных центрах – городах Невель, Себеж (свыше 50% респондентов) и ближайшем их окружении.

Другими словами, изменение смыслового значения регионального названия “скобарь”, ранее служившего для культурной (псковские “цокающие” говоры) и губернской идентификации, а сейчас выступающего в качестве символа регионального патриотизма, придало ему новационный характер, что позволило проникнуть ему на исторически “нескобарские” территории, перешагнув через формировавшиеся веками культурные границы. Получив политический оттенок, региональное самоназвание псковичей приобрело новую “жизнь”, яркую, но не исключено, что достаточно скоротечную. По аналогичной схеме, например, другие политические новации могут легко восстановить великолукскую субрегиональную идентичность, которая, судя по всему, начала растворяться в последнее время.

Частота использования самоназвания “скобарь” среди респондентов, родившихся за пределами Псковской области, зависит от длительности их проживания на территории области и от региона выбытия. Так, например, чаще всего скобарями называют себя выходцы из северных регионов России, а также из Украины и Белоруссии, наиболее давно обосновавшиеся в Псковской области (в среднем более 20 лет назад). Реже всего скобарями называют себя недавние выходцы (после распада СССР) из стран Балтии, среднеазиатских государств и Казахстана. Также достаточно редко называют себя скобарями уроженцы южной части России, хотя и имеют не менее длительный период адаптации на псковской земле, чем выходцы с Севера России.

Смена поколений в условиях резко изменившейся общественно-политической ситуации в стране может привести к отказу от современного регионального самоназвания псковичей, если оно и в дальнейшем будет сохранять националистическую окраску. Согласно результатам опроса среди молодёжи Псковской области (школьников и студентов в возрасте от 16 до

20 лет), самоназвание “скобарь” использует только треть уроженцев области и 15% выходцев из других регионов России. При этом, как и в случае с респондентами других возрастов, скобарями чаще называют себя молодые люди, попадающие в категорию респондентов с этноцентричным и этнодоминирующим типами идентичности.

ВЫВОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Территориальная идентичность имеет сложную структуру и иерархию. Различные виды территориальной идентичности (политическая, этническая и др.) и их уровни (например, суперэтнический, собственно этнический, субэтнический) сопряжены с культурными и политико-административными границами разного типа и ранга.

2. Суперэтническая идентичность сопряжена с цивилизационным уровнем политической идентичности и является отражением цивилизационного контраста, который можно описать с помощью идентификационной дихотомии “Запад” - “Восток”.

3. В качестве маркера собственно этнической идентичности выступает этническое самоназвание. Кроме этнической номинации, инструментом изучения этнической идентичности может послужить идентификационная шкала “Запад-Восток”, которая позволяет определить место, занимаемое этносом в структуре суперэтнической (или цивилизационной) системы.

4. Субэтническая идентичность может быть рассмотрена не только в контексте традиционной культуры (т.е. с опорой на историко-культурные границы), но и на основе анализа современных различий в социальной и политической культуре населения. Например, опираясь на шкалу толерантности и дихотомию “индивидуализм-коллективизм”, можно вычленил в геокультурном пространстве Европейской России северный и южный типы социальной культуры.

5. Искусственное навязывание властями “оппозиционной” модели политической и этнической идентичности на приграничных территориях облегчается в случае “барьерного” характера государственной границы, осложняющего непосредственный контакт соседних народов.

6. Региональная идентичность сопряжена с административным делением страны. Зрелость регионального самосознания зависит от “возраста” административных единиц и стабильности (устойчивости) их границ. Инструментом изучения региональной идентичности может послужить анализ геодинамики региональных названий населения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арутюнов С.А. Этничность – объективная реальность: Отклик на статью С.В. Чешко // *Этнографическое обозрение*, 1995. № 5.
2. Геополитическое положение России: представления и реальность / Под ред. В.А. Колосова. М.: Арт-Курьер, 2000.
3. Герд А.С. Введение в этнолингвистику. СПб.: СПб. ун-т, 1995.
4. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография / Пер. с нем. К.Д. Цивиной; Примеч. Т.А. Бернштам и др.; Послесл. К.И. Чистова. М., 1991.
5. Иванов С.А. Славянская этничность как методологическая проблема // *Славяноведение*, 1993. № 2.
6. Колосов В.А., Туровский Р.Ф. Типы новых российских границ // *Изв. РАН. Сер. геогр.*, 1999, № 5. С. 39-47.
7. Крылов М.П. Понятие “регион” в культурном и историческом пространстве России // *География и региональная политика. Часть 1*. Смоленск: Изд-во СГУ, 1997. С. 32-37.
8. Крылов М. Структурный анализ российского пространства: культурные регионы и местное самосознание // *Культурная география*. М.: Институт Наследия, 2001. С. 143-171.
9. Манаков А.Г. Опыт использования ментальных карт для анализа географических представлений и предпочтений // *Изв. РГО. Т. 129. Вып. 6.*, 1997. С. 40-47.
10. Манаков А.Г., Иванова Т.М. Политические субкультуры Псковской области // *СОЦИС: Социологические исследования*, М.: Наука, 2000, № 8. С. 48-53.
11. Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999.
12. Никифорова Е. Граница как фактор формирования этнической общности? (на примере селу Печорского района Псковской области) // *Кочующие границы: Сборник статей по материалам международного семинара / Под ред. О. Бредниковой и В. Воронкова. Центр независимых социологических исследований. Труды. Вып. 7*. СПб., 1999. С. 44-49.
13. Орачева О.И. Региональная идентичность: миф или реальность? // *Региональное сознание как фактор формирования политической культуры в России*. М.: МОНФ, 1999. С. 36-43.
14. Смирнягин Л.В. Региональная политика России // *Изв. РГО*. 1996. Т. 128. Вып. 3. С. 29-32.
15. Смирнягин Л.В. Территориальная морфология российского общества как отра-

жение регионального чувства в русской культуре // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М.: МОНФ, 1999. С. 108-115.

16. Стрелецкий В.Н. Культурный регионализм в Германии: опыт историко-географического анализа // Изв. РАН. Сер. геогр., 2000, № 6. С. 37-47.

17. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.

18. Anderson M. Territory and state formation in the modern world. Cambridge, 1996.

19. Sahlins P. Boundaries. The making of France and Spain in the Pyrenees. Berkeley, Los Angeles, Oxford, 1989.